

Успех как способ достижения свободы

Вряд ли Виталий Вульф нуждается в представлении. Историк театра, переводчик Теннесси Уильямса, Юджина О'Нила, телезвезда, передачу которого собирают у экранов огромную зрительскую аудиторию. И, конечно, блестящий рассказчик — это, наверное, самое сильное его качество. После любви к своим героям и верности им...

О себе

— Все начиналось трудно. Я был никто: юрист, без работы, жил очень тяжело на то, что присылала мне тетка, потому что у мамы тогда не было денег. Профессию своего невинного (это родители настаивали, чтобы я получил «серьезное образование»), хотя полтора года успел проработать в Коллегии адвокатов и в 1961 году даже защитил кандидатскую по английскому уголовному кодексу. В 1967 году прочел объявление в «Вечерней Москве», что в Институте международного рабочего движения нужны научные сотрудники, и устроился туда на работу — в отдел по изучению общественного сознания. Институт был странный (директор — Т. Тимофеев), компания великолепная: в одном секторе сразу — Ю. Замошкин, М. Мамардашвили, Ю. Давыдов, Э. Соловьев, Ю. Карякин. В 1969-м, когда Ю. Замошкин на полтора года уехал за границу, меня неожиданно выбрали вр. и. о. зав. сектором. Так там вр. и. о. я прослужил 18 лет, потом это называлось — сектор по изучению молодежной культуры. Почему молодежной? Думаю, потому что у меня тогда было меньше всего собственных амбиций и желания руководить кем бы то ни было. По-моему, при мне сектор жил весело. По крайней мере, нужными собраниями я никого не обременял. В 1968 году я написал свою первую статью, о хиппи. Она была опубликована в журнале «Театр», веда ее изумительный редактор Е.М. Шаповал. Те, кто занимается зарубежным театром, до сих пор ее помнят.

О театре

— Театр я любил природно и хотел только одного — быть поближе к нему. Я познакомился и подружился с Марией Ивановной Бабановой, Лидией Павловной Сухаревой, Ангелиной Осиповной Степановой. Но еще очень долго чувствовал себя чужим в театральной среде, человеком со стороны. Очень хорошо помню болезненные уколы в 60-х: кто такой Вульф? Юрист какой-то? Что он здесь делает? Разве он что-то умеет? Я на всю жизнь остался благодарен Олегу Ефремову и предан ему — никто не знает почему, но вам сегодня я могу сказать: когда я был никто, еще не писал — и даже не умел писать, он ввел меня в художественный совет «Современника». Это был 1965 год. Я оказался среди блестящих людей: И. Соловьев, В. Шитова, В. Шверубович, В. Виленкин, М. Стрельва, А. Свободин. Уже тогда это были имена. В театре на меня смотрели косо и даже свысока. Когда я сегодня напоминаю об этом Игорю Кваше, он злится, как будто этого не было. Единственный человек, который относился ко мне подчеркнуто демократично и дружески, был Валим Васильевич Шверубович, знаменитый легионер Художественного театра, сын великого В.И. Качалова. Ефремов смотрел на все это философски и говорил мне: «Ты никого не слушаешь. Ты занимаешься делом».

О себе

— Вы стремитесь к успеху? Наверное, тайно мечтали, как сравните им своих недоброжелателей? — Нет. Я в успех не верил. Я всегда знал, что надо выжить, — и выживал. Я и переводить-то начал только потому, что мне хотелось быть поближе к театру. — А не кажется ли вам, что священный восторг перед театром как чудом и таинством исчезает по мере приближения к нему? Как вы умудрились свой восторг сохранить? — Возможно, театральному критику и следует держать дистанцию. Но я никогда не называл себя — и не считал — театральным критиком. Я и сейчас, между прочим, работаю не для театроведов. Я был с другой стороны — изнутри театра. Как-то очень давно один критик мне с обидой сказал: «Вот с тобой разговаривают Степанова и Прудкин и со мной тоже, но с тобой они откровенны, а со мной нет». И дело здесь не только в природном умении располагать к себе собеседника, хотя и в нем тоже. Просто он для них был критик и завлит. А я был автор, хотя и автор перевода. Я был с их стороны. И увидел с их стороны очень много за эти годы. Если у меня хватило сил, я когда-нибудь обязательно напишу книгу о жестокости и жестокости театра. И одновременно о его прекрасных чертах.

многослойные люди, много прожившие, пережившие, прочувствовавшие. Я в театрах сегодня ощущаю только одно... нехватку человеческого мяса. К нынешним кумирам мне и приближаться-то нет никакого интереса. Хитрости, расчет мелки и быстро распознаются. Там же — везде были тайны. Я как-то спросил Степанову: «Наверное, никто из мхатовцев не проживал такой жизни, как ваша?» — «Почему вы так думаете? А какая жизнь была у Аллы Тарасовой!» — И тоже никто ничего не знает. Ничего не написано. Таинственный остров. Моя передача о ней — одна из самых моих любимых. Я долго с ней возился. Вокруг мне рассказывали об Алле Константиновне кошмары. Я не мог освободиться от своих детских впечатлений, когда обдалевал от «Последней жертвы» и «Трех сестер». Мои родители сходили с ума от нее. И даже Бабанова, которая всегда, надо сказать, все «несла», как-то мне заметила: «Ну, по таланту с Аллой Константиновной дело точно может сравниться». И Степанова недавно тоже сказала: «Алла-то у нас была самая талантливая».

О материках и таинственных островах

— Может быть, дело в том, что вы приближались к своим героям слишком близко и потому смогли увидеть то, о чем не подозревали другие? Или просто мы приближаемся к людям слишком не походям на тех, с кем приходилось общаться вам? — Возможно. Самая большая беда современного театрального времени — это снижение человеческих индивидуальностей в театре. Снижение колоссальное. К 60-ти годам я наконец понимаю, как мне повезло в жизни. Я общался с людьми сложными, многослойными и самодостаточными. Вот возьмем Ангелину Осиповну Степанову. Для кого-то она так и осталась секретарем партийной организации МХАТа. Всегда элегантная, очень закрытая, холодноватая, никогда никого не приближающая, достаточно независимая. Я и сам долгое время думал, что за этим стоит только прошлое жены А. Фадеева и официальная работа государственного деятеля. Но потом оказалось сложнее и драматичнее. Меня многому научила Мария Ивановна Бабанова, стоив мне много нервов и крови, и неблагодарности, и всего на свете. Она ведь была монстром на самом деле. Но это, кстати, вовсе не отменяет того, что великолепно написала о ней в своей книге Майя Туровская. Да и я много и тепло писал о ней. Но в общем все не написано. Это была феноменальная натура — по натуре и по сложности. Человек, который мог быть жесток, неблагодарен, коварен. И при этом человек великого ума и феноменальной тонкости. Загадочный материк.

О звездах и мифах

— Вы знаете, что о вас говорят недоброжелатели? Вульф сочиняет мифы. Можно, конечно, отмахнуться с помощью Алданова: «Биографиям доверять вообще не надо, это самый ложный род литературы». Но, действительно, биография — это не летопись жизни, а скорее, все-таки портрет героя, образ его в представлении автора? — Вульф сочиняет мифы — это еще один миф, который преследует меня довольно давно. Это неправда. В моих передачах и книгах — все факты. Я вообще очень люблю факты. Мне кажется, что их столкновение, сравнение и даже простое перечисление порой дают гораздо больше, чем театроведческие рассуждения на этот счет.

О звездах и мифах

— А мне жаль, когда вы порой пробираетесь потрясающие факты. Например, в передаче о Марлоне Брандо, между прочим, сколько заметили: он никогда не играл Хемингуэя, хотя был создан для его героев. Это же ключ ко всему! — Это вы ведь заметили? Ведь это сразу дает объем личности. Ну и достаточно, чтобы осознать суть столь мощного характера, как Марлон Брандо. Я всегда старался быть щепетильным в отношении фактов.

О звездах и мифах

— Так откуда же миф? — Я вам скажу, откуда это пошло. Люди всегда любят темное и грязное. Это свойство человеческой психики, увя: любят узнавать и смаковать пикантные подробности из жизни своих кумиров. Я не обхожу сплетен и не скрываю неизвещенных и, может быть, неприятных фактов из жизни моих героев. Но пытаюсь в каждом вытащить то позитивное, что, собственно, и сделало его имя известным. Мало ли дурных характеров на свете? Или вы думаете, что праведники на сцене играют только праведники? Мало ли капризных дам в театре? Важнее заметить — то, что человек сделал из того, что его прославило и сделало кумиром, или идолом, или звездой не одного поколения. О той же В. Серовой можно было, наверное, рассказать иначе: о пьянстве, о ее романах... А можно было попытаться понять, почему ее жизнь сложилась так, а не иначе. Симонов, между прочим, никому больше не посвящал таких стихов, как ей. Да, Степанова была парторгом МХАТа и хозяйкой театра. А с другой стороны — любовь Горчакова, Эрлдмана и Фадеева. Не самые последние, знаете ли, мальчишки на свете. То, что Бабанова была монстром, не отменяет ее сказочного, хрустального голоса и ее гениального актерского дара. Человека надо судить по результатам его дела.

О звездах и мифах

— Как вы относитесь к тому, что вас пародируют? — Рад! Бога, пожалуй! Только ведь пародируют внешний ряд, и никто не может спародировать сути.

«Твоя дура Ангелина»

— Это кажется, мало кто пародировал, что перешка Степановой и Эрлдмана может стать основой настоящего бестселлера. Это книга дивной простоты, достоинства и жизненной мудрости, которая раскрывает перед нами не только тайну личнейшего романа двух очень знаменитых людей, но и живописует время и судьбы других известных исторических персонажей, на фоне которых этот роман разворачивался. И самое приятное, что нашлись люди да еще частное издательство «Иван-пресс», которые тоже в это поверили.

«Твоя дура Ангелина»

— Я-то всегда это знал. Это же готовый сценарий для фильма, почти готовая пьеса! Не менее, может быть, драматичная и прекрасная, чем «Милый лжец» Дж. Килли, в котором много лет блистали на МХАТе Ангелина Степанова и Анатолий Козлов в ролях актрисы Патрики Кэмпбелл и драматурга Бернарда Шоу.

«Твоя дура Ангелина»

— Для многих это книга, я думаю, не просто по-новому раскрывает, но перевернет представление о Степановой как официальном деле королевства МХАТ. Как вы уговорили Ангелину Осиповну издать эти письма? — Ее же уговорить невозможно. Она все и всегда решает сама. Я сам 10 лет назад, когда писал о ней книгу, ничего не знал об этом романе.

«Твоя дура Ангелина»

Несколько лет назад вышел сборник, посвященный Эрлдману, подготовленный Александром Свободным. И по комментариям в этом сборнике выходило, что она ездила к нему в ссылку, когда он этого вовсе не хотел. Получалось, будто она кидалась ему на шею, а он ее отвергал. Книга привела Степанову в состояние неистовства. Но ее неистовство — это чувство человека сдержанного,

О телевидении

— Телевидение сегодня дает бешеную популярность и плодит уйму поклонников, которые звонят, благодарят, идут с дарами. И, конечно, уйму недоброжелателей, которые разбирают тебя по косточкам. Но я повторяю, что я работаю не для театроведов.

«Серебряному шару»

— Чем вы объясняете такой интерес к «Серебряному шару», передаче, казалось бы, узкого театрального профиля? — Интерес интеллигенции к моим передачам объясняется как раз тем, что в них много не известных широкому зрителю фактов. Порой и нелицеприятных... — ... при сохранении общей романтической интонации.

«Серебряному шару»

— Потому что я не перестаю любить театр как факт нашей жизни. Возвышающий ее над будничными и прозой.

«Серебряному шару»

— Как вы выбираете своих героев? — Меня всегда интересует история. Драматизм жизни, судьбы. Внутренний конфликт героя. Именно поэтому не все мои портреты удавались и даже доходили до эфира.

«Серебряному шару»

— Что самое главное в работе на ТВ? — Чтобы от тебя шла энергия. Чтобы не впасть в торжественный и выспренный тон, а найти интонацию разговора по душам. И помнить, что люди хотят узнать то, чего не знали прежде.

«Серебряному шару»

— Вы довольны собой в «Серебряном шаре»? — Я никогда не доволен, хотя думаю, что устным рассказом владею. Природа импровизации — вещь редкая. Мой рассказ только кажется стихийным, на самом деле он опирается на четкое знание предмета.

«Серебряному шару»

— Что самое трудное в работе на ТВ? — Самое трудное для моего редактора Г. Борисовой и режиссера Е. Гудисовой, что мы работаем без дублей. Я никогда ничего не могу повторить. Сядь перед камерой, я даже сам не знаю, с чего начну рассказ. Не этому предшествует алдский труд, мало кому заметный. Я перелопачиваю уйму материала. Рецензии, ЦГАЛИ, Бахрушинский музей. Мне необходимо свободно ориентироваться в теме, только тогда импровизация удается.

«Серебряному шару»

— Как вы относитесь к тому, что вас пародируют? — Рад! Бога, пожалуй! Только ведь пародируют внешний ряд, и никто не может спародировать сути.

«Серебряному шару»

— Твоя дура Ангелина — это кажется, мало кто пародировал, что перешка Степановой и Эрлдмана может стать основой настоящего бестселлера. Это книга дивной простоты, достоинства и жизненной мудрости, которая раскрывает перед нами не только тайну личнейшего романа двух очень знаменитых людей, но и живописует время и судьбы других известных исторических персонажей, на фоне которых этот роман разворачивался. И самое приятное, что нашлись люди да еще частное издательство «Иван-пресс», которые тоже в это поверили.

«Серебряному шару»

— Я-то всегда это знал. Это же готовый сценарий для фильма, почти готовая пьеса! Не менее, может быть, драматичная и прекрасная, чем «Милый лжец» Дж. Килли, в котором много лет блистали на МХАТе Ангелина Степанова и Анатолий Козлов в ролях актрисы Патрики Кэмпбелл и драматурга Бернарда Шоу.

«Серебряному шару»

— Для многих это книга, я думаю, не просто по-новому раскрывает, но перевернет представление о Степановой как официальном деле королевства МХАТ. Как вы уговорили Ангелину Осиповну издать эти письма? — Ее же уговорить невозможно. Она все и всегда решает сама. Я сам 10 лет назад, когда писал о ней книгу, ничего не знал об этом романе.

«Серебряному шару»

Несколько лет назад вышел сборник, посвященный Эрлдману, подготовленный Александром Свободным. И по комментариям в этом сборнике выходило, что она ездила к нему в ссылку, когда он этого вовсе не хотел. Получалось, будто она кидалась ему на шею, а он ее отвергал. Книга привела Степанову в состояние неистовства. Но ее неистовство — это чувство человека сдержанного,

«Серебряному шару»

внешне холодного. «Вы читали? — только и спросила она. — Как же можно так писать, если не знаешь предмета? А вы знаете, что у меня до сих пор хранится 70 писем Николая Робертовича?» И много телеграмм, добавлю я, на которые она уже не отвечала, когда они расстались. А ушла она от него в ту минуту, как поняла, что это будет длиться вечно: будет она и будет жена. Я же говорил, что все и всегда она решала сама.

«Серебряному шару»

— Так получилась эта книга. А в ЦГАЛИ, в крошечном архиве Эрлдмана, где почти ничего не сохранилось, отыскались 282 (!) письма Степановой к нему. «Не может быть, чтобы он все выбросил», — твердо сказала она мне перед этим. Однако книги не было бы, если бы не одна неудачная фраза в сборнике об Эрлдмане.

«Серебряному шару»

— Значит, мы должны быть ей благодарны... — А если бы Степанова не опубликовала эти письма? Это же очень много дает для людей! И совсем не только для тех, кто изучает историю театра! Как это романтично и печально. Какие чувства владели когда-то людьми! Какое время встает за их спинами!..

«Серебряному шару»

(Этот текст не пошел к выходу книги и не вошел в нее. Но прощание, описанное через много лет А. Степановой, столь красноречиво, что мы приводим его полностью.)

«Серебряному шару»

«Мы встретились через 22 года. 56-й год был для меня очень тяжелым. Я потеряла близкого, дорогого мне человека, моего мужа, с которым прожила 19 лет, А.А. Фадеева. Театр включил в репертуар трагедию Шиллера «Мария Стюарт». Мне поручили роль королевы Английской. Роль была замечательная. Работа была трудная, она требовала от меня уюта, силы воли, преодоления жизненных невзгод. Но она и спасла, ввела в мир прекрасного, мир искусства. Художником спектакля был Борис Робертович Эрлман (брат Н.Р. Эрлдмана. — Прим. ред.). И мы часто встречались на репетициях. Однажды он мне сказал, что рассказывал Николаю и писал работы, и пригласил узнать у меня, согласна ли я поведать с ним. Ему очень хотелось меня видеть. Я молчала. А потом согласилась. Мы еще не подошли к двери его квартиры, когда она отворилась. С таким нетерпением Николай ждал нас. Когда мы с Борисом вошли, он взял мои руки и долго смотрел на меня в лицо. Я тоже смотрела на измененные временем знакомые черты. Мы оба были взволнованы. Потом сидели втроем за столом, пили кофе и говорили — о театре, об искусстве прошлых лет, о настоящем времени. Оба брали и рассказывали меня о Фадееве. Видимо, его уход из жизни изменил их представление о нем. Когда Борис вышел, чтобы поговорить по телефону, я сказала: «Далеко ушло наше время. Скажи, а все стерлось в памяти? Или не совсем?» — «Нет, не стерлось, — твердо ответил он. — Когда происходит какое-то событие, в жизни, в искусстве, память всегда возвращается к тебе, и я всегда думаю: вот Лине бы это понравилось, она бы это оценила, а это было бы Лине чудом». Помолчал и добавил: «Ты не должна была уходить». Я ничего не ответила. А потом сказала, что тоже возвращаюсь к памяти к нашей дружбе и любви. И улыбнулся ему. Вернувшись домой, я подумала, как хорошо, что состоялась наша встреча. Она была теплой, человеческой. И наша прощальная улыбка сказала так много. Потом он бывал у меня. Но все это было уже очень давно...»

«Серебряному шару»

— Два года я жил там. Мог бы жить и по сей день. Очень комфортно. Огромная двухкомнатная квартира, на Бродвее, между 15 и 16 Стрит. Пять минут ходьбы от Нью-Йоркского университета, где я преподавал. Я хорошо зарабатывал. Был занят два раза в неделю, еще — готовился к лекциям, писал тезисы на английском, чтобы не делать языковых ошибок. На следующий год было еще проще.

«Серебряному шару»

— Как назывался ваш курс? — Первый год я читал историю русского театра, XX век, начиная с Чехова. Потом был курс истории русской драматургии и спектаклю с Теннесси Уильямсом. На следующий год — история русской драматургии, «Чехов и театр», «Сталлин и театр». Самым посещаемым

«Серебряному шару»

был курс «Чехов и театр», очень многих интересовало, конечно, Сталин. Я читал оба семестра, а в 93-м году даже летом. Приезжал домой только на два недели. Но в один прекрасный день понял, что превращаюсь в обыкновенного преподавателя. Нью-Йорк я знаю лучше Москвы. У меня много американских друзей. Милые студенты, прекрасные люди, наивные, ничего не знающие. Много хорошего кино и интересная театральная жизнь. Но все это другая жизнь, где каждый живет самостоятельно друг от друга. Я никому не могу позвонить ночью, как я люблю. После 10 у всех работает автоответчик. «How are you?» — «Fine». И ничего больше за этим не возникает. А в Москве у меня книги, телевизор, радиопередатчик, друзья, враги, сдлинномышленные, язык, почитатели, недоброжелатели, здесь моя жизнь. А там я guest-professor. Я мог бы спокойно получить грин-карт, но тогда надо было оставаться там жить, нельзя метаться на два дома. И в январе 94-го я вернулся. Теперь езжу только на guest-lections. Каждый год для меня университетская жизнь — пройденный этап. Я работаю, если вы заметили, живу этапами. Много переводил пьес — сейчас перевожу маю, одну в год.

«Серебряному шару»

— Кстати, о пьесах. Мне давно казалось, что Уильямс и Обли у нас любят гораздо больше, чем на родине. Мы завозим их реально, цену или Америка ее занижает? — Там вообще нет понятия — кто-то кого-то любит. Это не интеллектуальная страна. И не театральная.

«Серебряному шару»

— Не кажется ли вам, что мы движемся в том же направлении? — Очень быстро. Уильямс и Обли — это классика, конечно. Для тех, кто занимается в университете. Есть узкий театральный мир, в основном, это университетская публика. Уильямса ценят выше. Он как бы number one. Раз в год ставят на Бродвее обязательно: «Орфей спускается в ад», то Джексона Ланж — «Грэмвай Желание». В прошлом году я смотрел «Татуированную розу». Все спектакли ужасные. Наш «Грэмвай» в Театре Маяковского — недостижимая вер-

«Серебряному шару»

шина рядом с ними. Вообще наш театр на сто голов выше.

«Серебряному шару»

— Чем вы объясняете столь средний уровень в столь высокоразвитой стране? — Отсутствием школы.

«Серебряному шару»

— Но ведь они, кажется, больше нас ценят нашего Станиславского? — Да, но воспринимают его слишком головно. Американцы — люди порядка, все ремарки ими выполняются досконально. Если написано в пьесе, что кресло должно быть кожаным и стоять справа, оно будет справа и кожаным. Буквализма. А все наши интерпретации для них — непонятная лирика.

«Серебряному шару»

— А как с полетком? — Зачем, если все написано? Текст и еще чуть-чуть за ним. Я был свидетелем того, как в Бостоне наш Театр Гоголя играл О'Нила. «Долгий день уходит в ночь». Поставил Сергей Яшин, играли Владимир Самойлов, Светлана Брагарник и Олег Гушин. На спектакле присутствовал Хосе Кунинтер, первый режиссер Америки, который больше всего ставил как раз О'Нила и Уильямса. Патриарх, перед которым все безлезили. На сцену смотрели со скептическими лицами, оттянутой губой: что там покажут русские. Русские показали не великий, но очень профессиональный спектакль с хорошими актерами. В антракте было ощущение, что разорвалась бомба. После конца спектакля Кунинтер в восторге говорил, что даже не мог предположить, что это можно так поставить.

«Серебряному шару»

Я не раз разбирал с американскими студентами «Чайку» Чехова. И каждый раз мы застревали на последнем акте. «А почему Триггир вернулся к Аркадиной? И почему Нина, которую он бросил, говорит, что любит его сильнее, чем прежде?» Сначала я даже не понимал, о чем меня спрашивают. Ну как же! Он изменил ей, вернулся к Аркадиной, а она его любит сильнее, чем прежде! — Можно подумать, что у них таких историй не бывает.

«Серебряному шару»

— Бывает, но тогда это все иначе решается, без рефлексии. Мои студенты все порывались мне рассказать о своей личной жизни. У них совершенно другая психоло-

«Серебряному шару»

гия.

«Серебряному шару»

— А вы говорите, они живут обособленно.

«Серебряному шару»

— Парадокс. Они так отзываются на внимание к себе, что сразу хотят отплатить за это — открытостью... Они очень мало знают, мало читают. У меня в семинаре был один мальчик, замечательно образованный. Оказалось, в 12 лет приехал в Америку из Сепмиплатинска. Все понятно? И я вдруг поймал себя на мысли: да не хочу я сидеть в этой Америке бесконечно... Хочу домой, в свою крошечную московскую квартиру, где я себя хорошо чувствую.

«Серебряному шару»

Поймите меня правильно. Я не хочу их упрощать. В Америке есть люди очень высокого наполнения. Но ощущают они себя сложно. Все зависит от их материального положения. Если у тебя нет денег, тебе там делать нечего. А интеллектуалы в Америке зарабатывают очень трудно — только в университетах. Но по их меркам это не деньги, а ерунда. По их меркам даже Уильямс был небогат — после него осталось всего 8 миллионов долларов...

«Серебряному шару»

— О себе

— Галина Волчек недавно мне сказала: «Ты стал совершенно другим человеком. Двадцать лет назад и сейчас — тебя невозможно узнать». Она права и не права. Я в чем-то остался прежним, а в чем-то стал, может быть, жестче. Прошу, я давно ни от кого не завишу. Успех на ТВ для меня, скорее всего, ценен именно этим. Растет от того, что узнают на улице, в магазине? Есть, наверное. Но главное, что успех дает независимость и свободу. С одной стороны, и недоброжелателей...

«Серебряному шару»

— ...с другой, помогает справиться с теми, и с другими? — Вот именно.

«Серебряному шару»

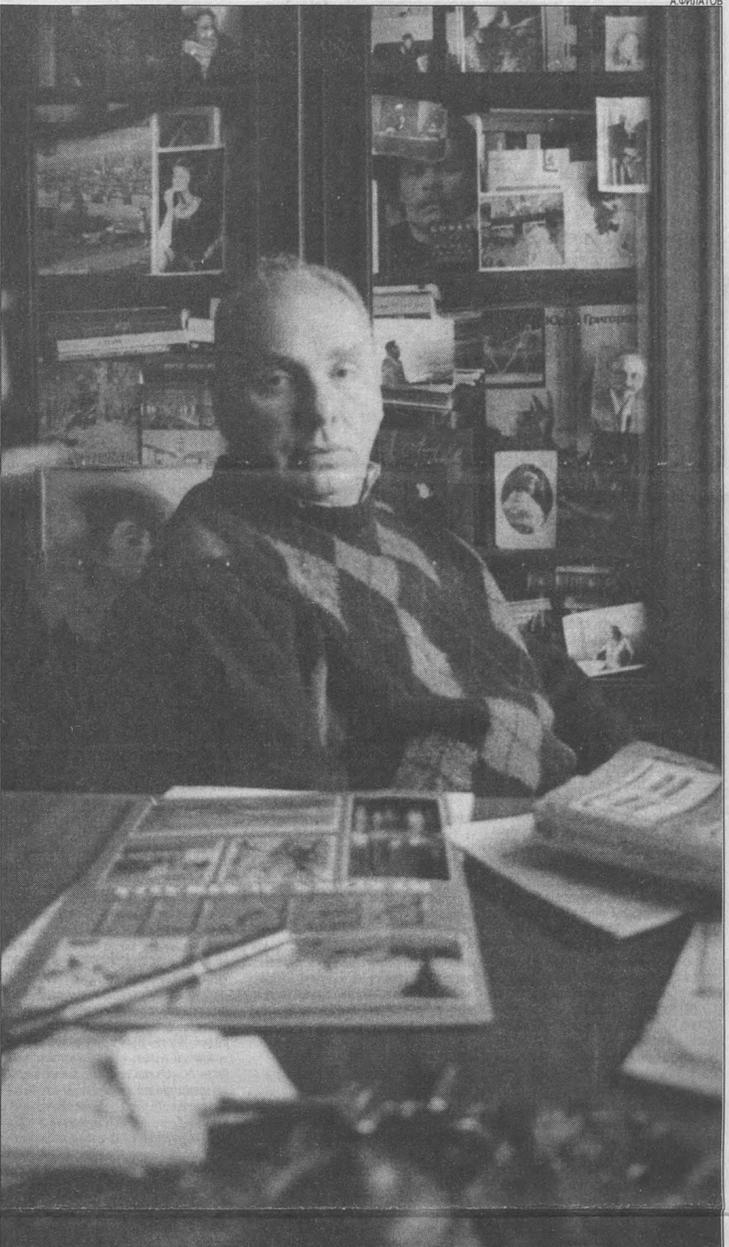
— На сколько еще вам хватит материала для «Серебряного шара»? — Год на три с лишним.

«Серебряному шару»

— Кто ваши следующие герои? — Марлен Дитрих, Татьяна Лаврова, Николай Павлович Хмельев, Нина Тимофеева.

«Серебряному шару»

Беседовала Наталья КАЗЬМИНА

Главный редактор номера
Егор ЯКОВЛЕВ

Ответственные секретари
Юрий ПАТРИН,
Евгений СЕМЕНОВ

Логотип:
Семен ЛЕВИН,
Борис МИРОШИН

Дизайн-макет:
Аркадий ТРОЯНКЕР

Художественный редактор
Владимир БАБИЧ

Технический редактор
Дмитрий ТУМАНОВ

Зав. корректуры
Светлана КАРТАШЕВА

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения
Людмила ЛИР
Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы
Галина ИЛЬЧЕНКО
Тел.: 915-70-40, 915-26-19.
Факс: 915-26-06

Производственно-издательский отдел
Ирина СОВКОВА
Тел.: 915-75-81

Цена свободная